

«ОБЪЯВИТЬ ВОЛЬНУЮ НАСЕЛЕНИЮ РЕГИОНА»

МНОГИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА УПУЩЕНЫ. ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «ЦЕНТР СТРАТЕГИЧЕСКИХ РАЗРАБОТОК »СЕВЕРО-ЗАПАД«» ПЕТР ЩЕДРОВИЦКИЙ СЧИТАЕТ, ЧТО ЕЩЕ НЕ ВСЕ ПОТЕРЯНО. ОН РАССКАЗАЛ ВГ, ЧТО МОЖЕТ СДЕЛАТЬ ГОСУДАРСТВО, ЧТОБЫ ПРЕВРАТИТЬ МАКРОРЕГИОН В ЗОНУ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА.

BUSINESS GUIDE: Восточная Сибирь и Дальний Восток обезлюдивают, и это явно воспринимается как проблема. Что может быть сделано, чтобы развернуть миграционные потоки?

ПЕТР ЩЕДРОВИЦКИЙ: Надо понимать, что отток населения с Востока начался еще в конце 1960-х годов, при советской власти. Эта тенденция, безусловно, была усилена событиями 1990-х и нулевых годов, но глубинно она лежит еще в советских культурных архетипах. Уже тогда стало понятно, что переселенческая политика СССР, в частности ставка на молодежь (последний проект этой волны — освоение БАМа), не дает результатов. Уровень городской инфраструктуры и качества жизни существенно отстает (даже на тот период) от Центральной России. Небольшая прибавка к зарплате, которую получали люди, работавшие на этой территории, никакого дополнительного стимула не дает. Уже тогда мотивационная конструкция, судя по всему, была такая: поехать, заработать какое-то количество денег, на эти деньги постараться купить жилье в Центральной России, лучше на юге, вернуться и жить, где можно и хочется жить.

А дальше произошло следующее: начало 1990-х многих из этих людей застало врасплох: их сбережения быстро обесценились, и уехать они не смогли. Не называя мест (чтобы дополнительно не будоражить общественность), я могу сказать, что есть малые города этого региона, в которых 90% жителей по опросам хотят уехать. Но не могут: у них нет «подъемных». Если бы они у них были, процесс оттока населения шел бы еще быстрее.

Немного идет балансировка численности за счет того, что северные регионы, например Магаданская область, теряют часть людей в пользу Приморья. У них нет денег на длинный маршрут, а на относительно короткий — находят.

В целом это, конечно, главная проблема в освоении Дальнего Востока и Сибири.

ВГ: Проблема — это отрицательный баланс миграции или нехватка трудовых ресурсов?

П. Щ.: Это двухуровневая проблема. Во-первых, не выстроен комплекс мотивирующих условий, который решает для человека вопрос, хочет ли он в принципе там жить. А уже во-вторых, вопрос рабочих мест. Если он не хочет там жить — какая разница, где работать? Максимум, это задержит какую-то узкую группу на какое-то время. Поэтому главное — ответ на вопрос «Зачем там жить?».

ВГ: Может, дело просто в том, что люди вообще не хотят жить на Севере, в плохом климате? Ведь даже в бурно растущем Китае люди уезжают из северных провинций в южные.

П. Щ.: Стопроцентно. Я даже добавлю: в КНР лет 20 назад всерьез рассматривали увеличение численности населения на севере, вкладывали серьезные деньги в инфраструктуру и урбанизацию. Но удержать людей не смогли — как только в южных провинциях увеличился темп экономического роста, люди стали уезжать.

Академик Никита Моисеев любил говорить, что если среднегодовая температура меньше +2–5°C, то человек просто не может долго жить в таком климате. Но обрати-

те внимание: узкая зона вдоль китайской границы, Транссиб и Приморье — под эти ограничения не подпадают. Более того, эти территории последовательно заселялись начиная с XVII–XVIII веков.

ВГ: А из опыта миграционной политики последних 20 лет можно извлечь какие-то уроки?

П. Щ.: Основной урок: все надо делать в свое время. Когда в конце 1980-х — начале 1990-х годов был потенциал русскоговорящей миграции в Россию из стран ближайшего зарубежья, то никакой целенаправленной переселенческой политики просто не было. Переселение немцев при Екатерине II на юг России в середине XVIII века по сравнению с тем, что происходило у нас, выглядит просто верхом совершенства.

В тот момент, когда эта миграция объективно иссякла, вдруг говорят: «А теперь мы стимулируем русскоговорящую миграцию». Ничего и не получается.

Я не говорю уже о том, что надо одновременно выстраивать каналы натурализации, обучения языку, культуре и так далее. Создавать сложную машину социокультурной переработки. В мире накоплен огромный опыт в этой сфере. И если нас не устраивает европейская модель, есть другие: американская, канадская, австралийская... Но этого института не только нет, он даже не спроектирован.

Еще одна проблема в том, что пространственная организация, которая досталась нам от большевиков, съедает часть экономического роста — стоит нам, по моим оценкам, порядка 5% ВВП в год. А значит, миграционная политика должна сочетаться с поддержкой внутренней мобильности и — что важно — с промышленной политикой. Мы никуда не уйдем от того, что называется полюсами роста — не важно, как их называть. Всю территорию удерживать на одном уровне, конечно, не получится. Это относится и к Сибири, и к Дальнему Востоку, и к любому другому региону. Когда у вас уже есть эта карта, куда люди

двигаются, надо помочь. Это как академик Курчатов говорил, что надо сначала посмотреть, где тропинки протоптаются, а уже потом их замостить.

Это относится и к миграционной политике. Где-то помочь, где-то построить какие-то фильтры. Допустим, квалификационные. Сейчас не имеет смысла обсуждать конкретику, важно лишь, что разные политики должны быть синхронизированы.

ВГ: Угроза регионального сепаратизма и китайской экспансии, похоже, досужие выдумки. О каких реальных угрозах в контексте региона можно говорить уверенно?

П. Щ.: Не знаю, описывается ли эта проблема именно в терминах «угроз», но для меня она очевидна и, грубо говоря, состоит из трех логических шагов. Пункт первый: рост идет в Азии — если мы хотим удерживать экономику на плаву, желателен оседлый этот рост. Даже если его темпы сейчас снижаются с 10–12% в год до 6–7%, это все равно значительно выше, чем в Европе.

ВГ: Назовем это угрозой «упущенной выгоды»...

П. Щ.: Пункт второй: при этом складывается новая инфраструктура — политическая, экономическая, энергетическая, транспортная. Чем быстрее рост, тем быстрее страны АТР переходят от модели раннего догоняющего роста к системе, ориентированной на современные стандарты потребления и экономики знаний. Мы можем получить эту систему интеграции без нас. Австралийцы начали переориентацию своей экономики на Китай и АТР 25 лет назад.

ВГ: Угроза «экономической изоляции»...

П. Щ.: Пункт третий: мы перешли из этапа геополитики в этап геоэкономики, поэтому рассчитывать на существенные политические позиции при потере рынков — особенно в этом прагматическом регионе — не приходится.

ВГ: Угроза «потери авторитета»...

П. Щ.: При этом меня очень волнует, что все это повторяется уже больше 100 лет. Одно и то же говорилось и во времена Николая II, и во время Горбачева, и в современных стратегиях.

Если бы в свое время, например, не были бы упущены многие возможности, касающиеся Владивостока, он мог бы стать пусть не российским Гонконгом, но хотя бы элементом городской специализации мегарегиона.

ВГ: Какие цели (в разрезе триады «страна—государство—общество») мы должны ставить перед собой при обсуждении проблем региона?

П. Щ.: Мне кажется, что лозунг «Владивосток 3.0» всех объединяет. Мы вплотную подошли к проблеме, которую китайцы в свое время решали в рамках подхода «одна страна — две системы». При всей странности этого решения мы подошли к тому, чтобы «объявить вольную» для 18 млн населения региона.

Напомню, как эта проблема решалась при царе. Люди ехали на восток, потому что там не было тех ограничений со стороны государственной власти и типа хозяйства, которые существовали в центре. Вот и надо воспользоваться этим опытом. Сибири и Дальнему Востоку нужен режим «порто-франко» для всей территории. Зона свободного предпринимательства. Другими способами создать там нормальный уровень и качество жизни не получится.

Но здесь надо помнить: нельзя решить проблему XXI века средствами XX и XIX веков. Поэтому если создавать там производства, то только роботизированные. Если строить города, то решения принимать самые современные: создавать пространства для жизни, а не ставить многоэтажные коробки. В каком-то смысле не закладывать типовые решения, а дать людям самим принимать решения.

ВГ: Какие выгоды можно извлечь из интеграции макрорегиона в экономику АТР? Какую мы могли бы играть в нем роль кроме поставщика природных ресурсов?

П. Щ.: Чем ресурсы-то плохи? Кроме, согласюсь, рисков, связанных с чрезвычайно высокой капиталоемкостью добычи и экспорта полезных ископаемых. Но можно же использовать существующие форматы коммуникации (например, АТЭС) как переговорную площадку, с тем чтобы не только разделить эти риски с нашими партнерами, но и превратить их в наше преимущество, особенно в том, что касается энергетики. Скоординировать ту же транспортную инфраструктуру на государственном уровне.

Еще один важный момент — вода.

И не надо забывать про продовольствие. Я категорически не согласен с теми, кто говорит, что южная часть этого региона не пригодна для сельского хозяйства. 150 лет была пригодна, а теперь «глобальное потепление» — и вдруг непригодна? К тому же не надо относиться к нему как к чему-то ретроградному. Это вообще-то одна из самых инновационных отраслей...

Следующая ниша — инжиниринг.

Это этакерка. В хорошей системе не нужно пренебрегать сырьевыми ресурсами ради какой-то далекой инновационной экономики.

ВГ: Как может выглядеть экономика региона через 10–20–50–100 лет?

П. Щ.: Во-первых, обязательное развитие трех крупных городских центров. Грубо говоря, Иркутск — центр российской культуры в Восточной Сибири, Хабаровск — инженерная столица, Владивосток — город экспериментов в сфере мультикультурного сотрудничества.

Во-вторых, опережающее развитие образовательной и инновационной инфраструктур. Полярно к этому — развитие сельского хозяйства и экологического образа жизни на остальной территории. Сюда же обязательно примыкает проект «Русский дом», типовое строительство индивидуальных домов по новейшим технологиям. Теплых, комфортных, современных, дешевых, технологичных и обязательно экологических.

В-третьих, промышленное развитие. Здесь есть три вызова. Первый — дигитализация, то есть все в 3D: от кинематографа до современного инжиниринга. Второй — новые материалы, причем я бы делал ставку не только на материалы с управляемыми свойствами предыдущего поколения — нано, композиты, но и наноматериалы биотехнологического свойства. Третье — роботы.

Причем это все перспективы не 100 лет. Просто надо сейчас закладывать именно это в мегапроекты. И тогда что-то будет реализовано в ближайшие 10–20 лет. На 50 прогнозировать уже совсем сложно, на 100 — вообще не берусь. ■

В ХОРОШЕЙ СИСТЕМЕ НЕ НУЖНО ПРЕНЕБРЕГАТЬ СЫРЬЕВЫМИ РЕСУРСАМИ РАДИ КАКОЙ-ТО ДАЛЕКОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

